

Е. Ю. Гениева

Библиотеки и мир после 11 сентября

В лекции показано, как трагедия 11 сент. 2001 г. в Нью-Йорке изменила существующий миропорядок. Подчёркнуто, что глобализация – это реальность сегодняшнего мира, объективный фактор, и библиотеки должны утвердить себя в глобальном информационном пространстве как активные проводники глобальных процессов.

Лекция впервые опубликована в № 1 2003 г.

Ключевые слова: 11 сентября 2001 г., глобализация, Россия, библиотеки, глобальное информационное пространство, Слово с большой буквы.

Ekaterina Genieva

Libraries and the World after 09/11

The lecturer illustrates how the 09/11 tragedy in NYC has changed the world. She also emphasizes that globalization is a new and objective reality, and that the libraries have to set up as efficient mediators of global processes in the global information space. The lecture was first published in Issue 1 2003.

Keywords: September 11, 2001, globalization, Russia, global information space.

XXI век и третье тысячелетие начались 11 сентября 2001 г. в 8 часов 45 минут утра по нью-йоркскому времени, как в своё время не календарный, а реальный XX век начался с гибели Титаника, с ужасов Первой мировой войны.

11 сентября разрушилась иллюзия благополучного завершения целого цикла всемирной цивилизации, которая возникла после крушения Берлинской стены и заката Советской империи, когда стало казаться, что уже наступила эпоха «по ту сторону» капитализма и коммунизма.

Именно в тот день и час миру был явлен реальный лик новой угрозы: мировое пространство сократилось во временном измерении до полёта самолета от Бостона до Нью-Йорка. За это краткое время западный общественный порядок, его ценности, рыночная экономика и построенная на их основе мировая политическая система перестали видаться как преимущественный путь развития человеческой цивилизации, который разные страны и системы рано или поздно должны были признать.

По общему признанию, XX век – век двух мировых войн, Хиросимы, советского Гулага, Чернобыля, Косова и Чечни – был самым трагическим веком в истории человечества. Почему локальная трагедия 11 сентября в Нью-Йорке повергла привычный ко всем ужасам мир в такой шок? Впервые угроза уничтожения нависла над новой, почти новорожденной, мировой реальностью – идеей мирового глобального устройства.

Под *глобальностью* следует понимать следующее: мы уже давно живём, не всегда осознавая, в мировом обществе, в том смысле, что представление о замкнутых пространствах превратилось в фикцию. Ни одна страна или группа стран более не может отгородиться друг от друга. Различные формы экономического, культурного, политического взаимодействия сталкиваются друг с другом. Мировое общество подразумевает общность соци-

альных отношений. Но вопрос в том, в какой мере оно существует на самом деле. Может быть, это только виртуальная реальность, которая заявляет себя как реальность объективная?

Вопрос о мировом сообществе оборачивается и другим вопросом: как и в какой мере люди и культуры мира воспринимают себя во взаимном переплетении своих различий? Мир в словосочетании *мировое общество* означает *различия многообразия*, а общество – *многообразие без единства*. Глобализация подразумевает процессы, в которых национальные государства вплетаются в паутину транснациональных сценариев и подчиняются их правилам.

Глобальность – это реальность сегодняшнего мира, в котором срастается всё, что по своей сути тяготеет к единству.

Что же делает глобальность объективным фактором нынешнего мира?

Расширение географии и нарастающая плотность контактов во всех сферах жизни – в экономике, искусстве, науке, культуре, экологии и т. п.

Нарастающая информационная и коммуникационно-технологическая революция.

Повсеместно выдвигаемые требования соблюдения прав человека.

Проблемы глобальной нищеты.

Проблемы глобального разрушения экологической среды.

Проблемы транскультурных конфликтов.

Глобальность означает, что отныне всё, что происходит на нашей планете, не сводится к локально ограниченному событию, что все изобретения, победы, поражения, миротворческие акты и войны касаются всего мира, и что мы должны нашу жизнь и наши действия, наши организации и институции мерить осью *локальное – глобальное*.

Люди, скептически относящиеся к глобализации, спросят: «Что же тут нового?» – и будут неправы. Новы не только повседневные действия, перешагнувшие национально-государственные действия и покрывшие государства плотной сетью взаимных зависимостей и взаимных обязанностей. Нова и непривязанность к определённом месту.

Люди, противящиеся глобализации, скажут: «Она опасна». По их логике глобализация приведёт к тому, что все страны и системы рано или поздно в рамках процесса глобализации обречены втягиваться в общую логику догоняющего по отношению к Западу развития. А те культуры и цивилизации, которые остаются за бортом глобализации, будут деградировать и гибнуть в процессе исторического отбора.

Будущее человечества по этой логике превращается из напряжённого поиска самоидентификации в механистический процесс перемальвания стран, народов, культур по единому нивелирующему стандарту.

В мире после 11 сентября такая установка порождает сильный антизападный экстремизм, образует мощный силовой полюс, провоцирующий политическую напряжённость, потенциально лишаящую народы надежды на взаимную толерантность, а говоря более простым языком, на взаимное понимание и сострадание.

И в такой логике тоже есть свой резон. Собственно об этом задолго до 11 сентября писал американский социолог Питирим Сорокин: его диагноз западной цивилизации – *раковая опухоль*.

Спор глобалистов и антиглобалистов по сути своей – столкновение двух разных принципов мироустройства. За первым типом общественного устройства – традиционно устоявшиеся ценности, за вторым – нечто скрытое и пока неясное, существующее параллельно реальному миру, наподобие интернетовской виртуальной реальности, которой управляет некое виртуальное правительство, не имеющее никаких обязательств перед национальными правительствами.

Этот мир пугает антиглобалистов ещё и тем, что, по их мнению, виртуальный мир способен порождать авторитарные и тоталитарные настроения, которые распространяются в мире новых технологий подобно чуме или смерчу. Речь идёт о информационных мафиях, международном терроризме, неофашистских националистических группировках, присутствие которых можно обнаружить во многих странах мира.

То, что произошло 11 сентября, не похоже ни на что, хранящееся в *архиве истории*. Это не война цивилизаций – разные цивилизации, в том числе христианская и исламская, веками сосуществуют друг с другом, обходясь без войн на взаимное истребление. Это и не война бедных против богатых: подлинно бедным свойственно думать о собственном выживании, о куске хлеба, о своих правах, а не об уничтожении нью-йоркских небоскребов, ставших могилой для тысяч невинных людей.

Так какие же уроки извлёк мир из 11 сентября? Разные. США увидели в произошедшем свидетельство недостаточной решимости, получили дополнительные аргументы, которые позволяют не только в теории, но и на практике претендовать на подчинение себе мирового сообщества под лозунгом *борьбы с мировым злом*.

Европа извлекла другой урок, а именно: весь современный мир находится примерно в одинаковом положении, когда смутные, туманные и тревожные контуры грядущего едва различимы на горизонте.

А Россия? Есть некая философская закономерность в том, что Россия должна отстаивать свою государственность в новой глобальной реальности. Россия вступает в глобальный мир почти налегке, всё поломав, раздав, сбросив. Дважды за одно столетие она пережила сломы: уклады целых со-

словий, народные навыки, традиции, культура – всё безжалостно выкорчёвывалось и ломалось. И это не только революция 1917 г.

В конце XX века мы стали современниками ещё одного тотального процесса: снова всё оказалось разрушенным, разбросанным по всему свету. Такой судьбы не хотела бы ни одна страна в мире, такого опыта нет ни у одной страны. Но благодаря ему у нас есть некая открытая перспектива, позволяющая найти некое государственное устройство, которое соответствовало бы новым глобальным тенденциям.

Нет никакого резона в нашем российском контексте замораживать или поворачивать вспять процессы глобализации или почти как заклинание повторять: это не наш путь, у нас свой, ни на кого не похожий.

История упрямо стучится в дверь, и если мы не откроем ей дверь, она впрыгнет в окно, но при этом по-русски может поломать ноги. А ведь именно Чаадаев, хотя его объявили безумцем, ещё в XIX в. писал о глобальной солидарности граждан, о *гражданине мира* и выстраивал систему новых этических принципов – *мира без географических границ*.

Рассмотрев разные точки зрения, можно признать, что 11 сентября в системе мировых координат – это *осевое время истории*. Так философ Карл Ясперс обозначил тот далёкий пласт истории, когда взамен разрозненных племенных верований появились единые мировые религии – идеи христианства, буддизма, конфуцианства. Свершившаяся тогда революция сознания тоже была ответом на вызовы времени, она сделала человека тем, что он есть сегодня – создала новую мораль.

Глобализации, хотим мы того или нет, тоже соответствует новая этика. Её можно назвать *абсолютной моралью*, имея в виду такую мораль, с нормами которой согласились бы все. Иными словами тот же феномен определил Ф. М. Достоевский: он назвал подобную этику *всемирной отзывчивостью*. Если мы не научимся воплощать в каждодневной, в том числе и в политической, жизни эту *всемирную отзывчивость*, новой мировой бойни нам не избежать.

* * *

Какое же отношение ко всем этим процессам имеют библиотеки, и есть ли какая-нибудь миссия в этом процессе у публичных, университетских, сельских библиотек, или они избыточны в процессе глобализации?

В отличие от многих других социальных институтов, столкнувшихся с проблемой самоидентификации только после 11 сентября, библиотеки по всему миру и в нашей части земного шара имеют некоторый опыт освоения новой реальности, поскольку по сути своей они *всемирно отзывчивы*.

В чём же загадка библиотек, этих *вечных фениксов*?

Тривиальный ответ – библиотеки должны ощутить себя в глобальном информационном пространстве, их будущее связано с новыми технологиями, интернетом.

Нетривиальный ответ – библиотеки *повенчаны со Словом* и имеют представление о слабости *Слова* и его силе.

Слабость *Слова* – в его неоднозначности для всех и каждого, в необходимости ответственного обращения с ним. Пример из арсенала 11 сентября – опасность террористического, агрессивно-догматического, тоталитарного *Слова*. С *болезни языка* начинаются *болезни общества*: понятия оказываются пустыми, слова больше не захватывают, затемняют смысл, а не проясняют его. Когда *плесневеют слова*, как это было при советском режиме, на мир опускается серая пелена – предвестник стагнации.

Однако у *Слова* есть и сила, она – в его универсальности, объединяющей силе, экспрессивной и интеллектуальной мощи, способности сплотить и найти общий язык.

Имея дело со *Словом* на протяжении веков, библиотеки наблюдали за тем, как *Слово* то бережно хранили, то запирали в спецхран, то активно укрепощали, порою выходя за пределы разумности; как всячески пропагандировали и распространяли, перенося на бумагу, печатные средства, электронные носители.

Самые мощные действия *Слова* пришлись на последнюю четверть прошлого столетия и лежали они в области демократических идей и глобализации, с которыми в силу этого библиотеки столкнулись раньше и в которые погрузились более иных социальных институтов.

Непосредственное отношение к глобализации имеет фундаментальная для современных библиотек идея *открытости и общедоступности информации*. Практическое осуществление этой идеи опирается на всемирное развитие глобальной сети интернета, которая во многих странах становится доступной населению именно через библиотеки.

С глобализацией связаны и такие направления деятельности библиотек, как обеспечение интерактивных сервисов, электронная доставка документов, создание информационных веб-сайтов, порталов, электронных библиотек, без которых не обходится ни одна библиотека, претендующая на роль современной информационной структуры.

Само развитие библиотек немислимо без активного профессионального общения в рамках интернациональных глобальных сообществ и ассоциаций. Таковы ИФЛА, всевозможные вертикальные и горизонтальные корпорации, коллективные библиотечные и библиографические службы, центры каталогии-

зации, осуществляющие обмен информационными ресурсами между странами.

Немалую роль в процессах глобализации играют и библиотечные стандарты. Пожалуй, из всех профессиональных сообществ библиотеки наиболее продвинуты в области стандартизации средств создания и передачи информации. Тот факт, что для общения поверх границ необходимы единые средства, не нуждается в доказательстве для грамотного библиотекаря. Одним словом, как социальные институты библиотеки не только вовлечены в глобальные процессы, но и являются их активными проводниками.

Однако единство единству рознь. И не всякий стандарт следует понимать как единую норму, коль скоро она навязана насильно и не учитывает особенности менталитета. Люди говорили и будут говорить на разных национальных языках. Выход не в том, чтобы сделать один из них единственно возможным для всех. Язык не подчиняется логике монетного двора, ему претит идея евро или доллара, он отторгает любую искусственность. Язык дан человечеству какой-то высшей силой как постоянное испытание на толерантность. Мы можем не понимать звучание иной речи (украинской, французской), для этого есть переводчики; но мы обязаны слышать сокровенный зов каждого языка и признавать за ним право на звучание в мире.

Рухнувшая Вавилонская башня, говоря современным языком, системно отразила трагедию 11 сентября. Это может показаться преувеличением, но стоит задуматься над символикой рухнувших башен.

Почему рухнула Вавилонская башня? Потому что люди, вместо того чтобы воплотить в башне символ единства мира, сотворили из неё фетиш собственному эгоизму и гордыни.

Американские небоскрёбы тоже воспринимались многими как символ эгоизма сильного государства. При всей неточности этого определения в нём есть доля трагической правды. Америка отстроит свои небоскрёбы, но вопрос в том, сколько ещё башен рухнет в мире, прежде чем человечество научится строить, а не разрушать. И это – *главный урок 11 сентября*.